

УДК 821.161.1 (1-87)

А.М. РЕМИЗОВ: ПУТЬ К БРИТАНСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Екатерина Ивановна Турта

аспирант кафедры русской литературы

Тюменский государственный университет

625003, Тюмень, ул. Семакова, 10. ekaterina.turta@gmail.com

Статья посвящена истории создания и издания первых переводов произведений А.М.Ремизова на английский язык. Рассматриваются также личные и творческие взаимоотношения русского писателя с представителями британской интеллигенции: Г.В.Вильямсом, Дж.Курносом, Дж.Хэrrисон, Х.Мерлиз и др. Материалом исследования стали рецензии, критические статьи, монографии, опубликованные в России и за рубежом, а также архивные материалы (письма, статьи, личные документы А.М.Ремизова).

Ключевые слова: русско-английские литературные связи; проблема перевода; модернистские «малые» журналы; литература русского зарубежья; творчество А.М.Ремизова.

После революции 1917 г. многие писатели и поэты покинули пределы бывшей Российской империи в поисках временного укрытия за рубежом, для большинства из них эмиграция стала вторым домом. Их произведения, запрещенные на Родине, вызвали огромный интерес у европейской публики. И не только у жителей Парижа, ставшего в 20-е гг. прошлого века культурным центром русской эмиграции, но и у читательской аудитории близлежащих государств: Великобритании, Германии, Голландии и т. д. Одним из самых таинственных и притягательных был «самый русский среди русских писателей» – Алексей Михайлович Ремизов. Его произведения активно переводились на французский, немецкий и английский языки.

Проблема перевода и история издания за рубежом произведений Ремизова занимает многих исследователей его жизни и творчества, но особенно активно в последние годы ведется изучение русско-британских связей Ремизова: о создателях английских версий произведений русского писателя повествует М.Швин-Смит, о вкладе Мирского в популяризацию творчества Ремизова в Великобритании рассказывают О.Казнина, А.Б.Рогачевский, Г.С.Смит и Р.Хьюз, проблеме перевода его произведений посвятила статью М.Гинзбург. Но, несмотря на то что работа в данном направлении ведется, еще многие аспекты русско-британских взаимосвязей в жизни и творчестве Ремизова до сих пор являются неосвещенными: возникновение интереса к личности и творчеству русского писателя, поиск переводчиков, подготовка и качество переводов.

Первое знакомство Ремизова с английской культурой произошло еще в отрочестве, об этом

пишет И.Попов в статье «Дом в Толмачах. Москва Алексея Ремизова». В то время Ремизов был студентом Александровского коммерческого училища, где преподавали четыре языка: русский, немецкий, французский и английский. Постигать азы английской грамоты юному Ремизову помогал его крестный отец Виктор Александрович, старший брат его матери, которого в семье прозвали «англичанином» за прекрасное знание языка и увлечение культурой Великобритании: Виктор Александрович выписывал английские газеты, журналы, книги, занимался разведением «английских» оранжерей. Именно ему пришла в голову мысль предложить племяннику перевести статью из английской газеты об «атмосферических осадках», чтобы проверить его знания. А некоторое время спустя юный Ремизов увидел свой перевод в «Московских ведомостях», куда поместили весь текст заметки без подписи переводчика. «Так безымянным “англичанином” я в первый раз попал в русскую литературу», – вспоминал он позднее [цит. по: Попов 2007: 176]. Именно как переводчик с английского Ремизов и дебютировал в 1890 г. в печати, когда ему было всего тринадцать лет.

А в 1905 г. уже известный писатель Ремизов знакомится с британским журналистом Гарольдом Вильямсом. Гарольд Вильямс (Harold Williams, 1876–1928) – журналист, русофил и полиглот, с 1904 г. являлся корреспондентом ряда английских газет в России. Ремизов и Вильямс стали близкими друзьями и остались таковыми до конца своих дней.

О встречах с четой Вильямс Ремизов вспоминает в своей книге «Встречи. Петербургский бунт» (1981): «С революции (1905) в Петербурге

поселилась Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс и Гарольд Васильевич. Я бывал у них. Гарольд Васильевич филолог, а кроме того, исследователь Свифта. Я нашел в Свифте себе отклик: его “лошадиное царство” – это ведь мое обезьянье – мой “обезволпал”, но у Свифта какая жестокость и презрение к человеку. И что повлекло чистейшую душу Вильямса к этому чело-веконенавистнику, так и осталось у меня тайной» [Ремизов 1981: 201].

Вильямс был добрым другом и внимательным читателем, он одним из первых по достоинству оценил талант Ремизова, выявил характерные черты его творчества и представил его английской публике в 1914 г. в своей книге «Россия русских» (*Russia of the Russians*), изданной в Лондоне. В разделе «Литература», в котором были представлены А.П.Чехов, Максим Горький, А.А.Блок и Ф.К.Сологуб, несколько страниц посвящено жизни и творчеству Алексея Ремизова, а также помещена его фотография. Вильямс отмечает оригинальность таланта русского писателя, мастерство работы с формой и глубокое понимание русского характера. Он не может не упомянуть также об особенностях языка Ремизова: «Его стиль самобытен, размерен, удален от свободной беглости языка русской журналистики, полон величия разговорной речи и духа причудливых закоулков русской жизни, где традиция до сих пор жива и цивилизация еще не завершила процесс размытия и нивелирования» [Williams 1914: 217]. Вильямс считает, что особую притягательность произведениям русского писателя придает «его лукавый юмор, гротеск и склонность к мистификации» [ibid.].

По мнению британского журналиста, никто так тонко, как Ремизов, не способен понять дух русского народа: «Никто из живущих писателей не чувствует русских людей так, как он: их привязанность к земле, их грубость и чуткость, понятие о грехе вместе с духовным жаром, их верования, их забавные обычаи и неустанную тревогу, тоску и высокую мечту о победе» [ibid.]. Особое внимание Вильямс уделяет жанровому разнообразию произведений Ремизова, выделяя в его творческом наследии романы (novels), повести (tales), литературные переделки (prose-roms), пьесы (dramas), рассказы (short stories) и сказки (fairy tales). Он упоминает такие произведения Ремизова, как романы «Пруд», «Часы», повести «Крестовые сестры», «Пятая язва», пьесы «Бесовское действо», «Иуда, принц Искарриота».

Наиболее интересными и, можно сказать, уникальными являются другие наблюдения британского журналиста. Доверяя своему литературному чутью, он нащупывает коренные особенности прозы Ремизова еще задолго до того, как

сам автор осознает и признает их. Одним из первых Вильямс находит в сочинениях Ремизова отсылки к Ф.М.Достоевскому, Н.В.Гоголю, Н.С.Лескову, одновременно отмечает самобытность и оригинальность ремизовских текстов, называя Алексея Михайловича «самым интересным среди современных русских прозаиков» [ibid.: 217]. Более того, Вильямс выявляет отличительные черты прозаических текстов Ремизова, называя их скорее стихами в прозе, чем повествованием. Это наблюдение интересно в силу того, что, хотя многие исследователи творчества Ремизова подчеркивали его направленность на использование разговорной речи, ориентацию на устную стихию в большей степени, чем на книжную, никто, кроме Вильямса, при жизни писателя о «лирическом начале» в его текстах не говорил – об этом начали писать позднее (см. подробнее: [Гунн 1990; Орлицкий 1994]). Более того, сам Ремизов, оценивая свое творчество, в конце жизни говорил, что он больше поэт, чем прозаик: «Песня, величание, молитва. Я рассказчик на новеллу, не больше, и эпос не мое. И снова повторяю, я никакой романист, а я пытался, но не вышло. У меня нет дара последовательности, а все срыву. С каким трудом я протискивал свое песенное в эпическую форму. Я чувствую это и в “Пруде”, и в “Плачужной канаве”. В “Плачужной канаве” моя последняя попытка “романа”. В основе я лирик и все лирическое идет к театру» [цит. по: Кодрянская 1959: 109]. Тонкое литературное чутье помогло Вильямсу понять суть творчества русского друга, почувствовать природу его языковых экспериментов и во многом предвосхитить дальнейшее развитие его писательского дара.

Вскоре судьба разводит двух друзей, но только географически: Ремизов эмигрирует в Париж, покидая советскую Россию, а Вильямс уезжает по долгу службы в Лондон, где с начала 1920-х становится редактором иностранного отдела лондонской «Таймс» (*The Times*), а также коллегой Д.П.Мирского по лондонской Школе славяноведения, вместе с которым они продолжают дело популяризации творчества Ремизова в Великобритании.

Мирский познакомился с Ремизовым задолго до этого, в Петербурге осенью 1907. Гимназист Мирский узнал о писателе через поэта М.А.Кузмина. Знакомство же Ремизова с семьей Мирских произошло еще в годы ссылки. Тогда князь Петр Дмитриевич Мирский (1857–1914), отец критика и в то время пензенский губернатор, разрешил политическому ссыльному Алексею Ремизову остаться в Пензе, а не отправил по этапу в еще более глухие места, такие как Чамборы или Наровчат. Об этом инциденте упоминает знакомая писателя Н.В.Резникова в своей

книге «Огненная память» (см.: [Резникова 1980: 82–83]). Позднее, уже министру внутренних дел, П.Д.Мирскому вновь довелось определять судьбу русского писателя: он дал Ремизову разрешение вернуться в Петербург.

А.Б.Рогачевский предполагает, что Ремизов и Д.П.Святополк-Мирский возобновили личный контакт в Берлине в 1922 г., а с осени 1923 г. после переезда Ремизовых во Францию продолжили видеться в Париже, куда Мирский, в то время преподававший в лондонской Школе славянских исследований при Лондонском университете, приезжал по личным делам (см.: [Рогачевский 2001: 350]). По словам самого Ремизова, Мирский сделал для него «много доброго, может быть “из противоречия”» [цит. по: Резникова 1980: 83]. Мирский сыграл большую роль в популяризации творчества Ремизова в Англии и Америке: знакомил писателя с важными людьми, договаривался с переводчиками, вел переписку с издательствами, публиковал отзывы и рецензии.

Так, 21 февраля 1924 г. в еженедельном литературном приложении к лондонской газете «Таймс» (*The Times*) была помещена анонимная рецензия на книги Ремизова «Крестовые сестры» (1918), «Пятая язва» и «Сказки русского народа» (1923), изданные в 1922–1923 гг. Берлинским издательством З.И.Гржебина. Новозеландской исследовательнице Айрин Зохраб удалось установить, что авторами этой рецензии были Г.В.Вильямс и Д.П.Мирский (см.: [Zohrab 1994: 275–279]).

В рецензии отмечается, что, несмотря на интерес английской публики ко всему русскому, в этой стране навряд ли кто-либо может назвать имена выдающихся современных русских писателей, к числу которых авторы причисляют и Ремизова, «самого передового из русских писателей в возрасте до пятидесяти лет – не только лишь благодаря истинной ценности его работ, но также благодаря тому огромному влиянию, которое он оказывает на прозаиков следующего поколения» [Alexei Remizov... 1924: 108]. Более того, они называют Ремизова «самым русским среди современных русских писателей» [ibid.]. В статье предпринята попытка объяснить особенности ремизовского стиля, делающего его произведения интересными и в то же время «элитарными»: «...он никогда не снисходил до популярности или моды, он никогда не добивался успеха лестью и не потакал ни критикам, ни публике, он никогда не писал, но его уникальный и капризный гений побуждал его писать» [ibid.]. Ремизову пророчат большое будущее в литературе и считают, что он будет даже более интересен английскому читателю, нежели русскому, благодаря «его очень эксцентричному и причудливому чувству юмора», превосходящему во многом да-

же таких классиков английской литературы, как Лоренс Стерн и Чарльз Лэм. Во многом основные положения статьи повторяют то, что было написано Вильямсом в своей книге еще в 1914 г., что позволяет сделать предположение, что ведущую роль в создании текста рецензии сыграл Вильямс, а возможно, и сама идея публикации принадлежала ему.

Так или иначе все эти рецензии и положительные отзывы должны были подготовить английскую публику к знакомству с русским писателем. В то же время велась работа над переводами его произведений на английский язык, что было делом непростым: «Чтобы отдать ему должное и на английском, требуется новая школа переводчиков, способных сохранить его интонации (то, что практически невозможно)» [ibid.].

Среди переводчиков были как близкие друзья Ремизова (В.Диксон), так и просто заинтересовавшиеся «любители» и профессионалы. Ремизов – отнюдь не простой автор для перевода, он не всегда понятен и русскому читателю: необычный выбор слов, причудливый синтаксис, да и сама манера письма русского писателя расставляли ловушки для неискушенных читателей. Мирский сетовал в одном из писем: «Но с Вами беда – не перевести» [цит. по: Хьюз 2003: 350]. Перевод текстов Ремизова требовал особого таланта и труда, поскольку, как неоднократно отмечалось в рецензиях и статьях, язык Ремизова уникален по своей природе: ориентирован преимущественно на разговорную речь и весь синтаксис построен на разговорных интонациях, а не на логическом членении предложений. Многие переводчики неоднократно обращались за толкованием некоторых слов и конструкций к писателю напрямую, что отражено в переписке Ремизова [Remizov Papers]. Алек Браун в своем письме Алексею Михайловичу от 5 января 1925 г. так описывают свою работу над текстами писателя: «Вѣдь переводить Ремизова, это не то, что переводить какого Тургенева или Толстого. Много есть людей, кто это сѣлает – мало, кто Р. переведет. Дѣло не в лошадиной работе чернового наброска, но в чем-то другом. Надо по-английски сызнова написать Вас» (подчеркивание. – Алек Браун; здесь и далее сохраняется орфография и пунктуация оригинала. – Е.Т.) [ibid.].

Чтобы английская публика проявила должный интерес к новому имени, нужно было приложить массу усилий. Английский просвещенный читатель должен был быть подготовлен к восприятию русского самобытного писателя, поэтому Мирский подошел к этому вопросу со всей серьезностью: он внимательно следил за упоминаниями Ремизова в прессе и планировал порядок и выбор произведений для перевода и публикации. Так, в письме от 4 мая 1924 г. Мирский пишет:

«2) для Жар-Птицы переведены К.Д.Набоковым последние три сказки из Шумов Города. Перевод не Бог знает какой, но приличный. Я думаю разрешить к печатанию. Беды большой не будет (Жар-Пт<ицу> в Англии читает не литерат<урная> публика), а Вам доход.

3) мой ученик перевел Изошел; велю ему послать в Adelphi (журнал такой), а гонорар разделить с Вами.

4) Разрешите ли Вы тому же ученику перевести для Slavonic Review Доброго приставника? Спрашиваю потому, что S<lavonic> R<evie>w денег не платит. Будет кое-какая реклама, и всегда можно перепечатать в Америке или Англии в составе книжки. Прошу разрешить» (пунктуация и орфография. – Д.М.) [цит. по: Хьюз 2003: 353].

В июне 1924 г. в журнале «Славоник ревью» (*Slavonic Review*) действительно вышел перевод одного из рассказов А.Ремизова «Изошел» (*Gone out*) в переводе Джошуа Купера (Joshua Cooper). По всей вероятности, это был единственный опубликованный перевод ремизовского текста, выполненный Купером. О его работе над «Добрым приставником» ничего неизвестно.

Криптограф Джошуа Купер (1901–1981) был учеником Мирского. В 1921 г. проходил обучение в Кингс-колледже, где изучал латынь, французский, испанский и русский языки. Почти с уверенностью можно сказать, что русский язык Купер изучал под руководством Мирского, который в эти годы преподавал русский язык и литературу в этом университете. Скорее всего, на одном из занятий Мирский и предложил талантливому студенту выполнить перевод рассказа Ремизова. Купер окончил обучение в 1924 г. и получил степень магистра. В октябре 1925 г. он отправился в школу декодирования (The Government Code and Cipher School) [Cooper]. На этом, вероятно, и закончилось его сотрудничество с Дмитрием Петровичем.

Что касается рассказа «Добрый приставник», то известно, что его также перевел Алек Браун, о чем он упоминает в своем письме Ремизову от 20 декабря 1924: «Я давно тому назад перевел Доброго Приставника (еще в 21 году), но не посылал никуда, а ученик Д П напечатал в Slavonic Review» [Remizov Papers]. Браун путает только что изданный рассказ «Изошел» с «Добрым приставником», но, тем не менее, перевод второго рассказа издан не был.

Известно также, что весной 1924 г. Мирский пытался договориться о публикации переводов рассказов Ремизова и проведении его творческого вечера с Марком Виленкиным, владельцем агентства по продаже периодики, распространявшим журнал «Жар-птица» в Великобритании и Ирландии. В первой половине апреля 1924 г. в своей переписке Виленкин и Ремизов обсуждают

возможность переводов и выступления русского писателя в Лондоне. Но, по-видимому, лондонский вечер не состоялся, так как Виленкин вынужден был выехать в Нью-Йорк по неотложным делам (см.: [Хьюз 2003: 353–354]). Он обещал поместить рассказы в переводе К.Д.Набокова в тринадцатом номере журнала «Жар-птица», но ни в тринадцатом, ни в четырнадцатом номерах журнала эти переводы так и не появились. Литературно-художественный журнал «Жар-птица» (Берлин; Париж, 1921–1926) планировался как ежемесячный, но за пять лет было издано всего 14 номеров. Иногда в журнале появлялись переводные произведения русских писателей. В «Жар-птице» Ремизова печатали дважды, и только на русском языке: «Крестовая барышня» (1921, №3); «Вереница: Россия, А-у-ка, Сказка» (1923, №10).

В 1924 г. вышел первый роман Ремизова, переведенный на английский язык, – «Часы» (первая публикация в 1908 г.). В томик, изданный «Чатто и Уиндас» (*Chatto & Windus*) в Лондоне, помимо романа были включены и переводы рассказов «Белое сердце», «Суженая», «Светло-Христово Воскресение», выполненные Джоном Курносом (настоящее имя – Иван Григорьевич Коршун, 1881–1966).

Джон Курнос был давним знакомым Ремизова. Они познакомились в Петрограде зимой 1917–1918 гг., куда Курнос приезжал вместе с Вильямсом (см. подробнее: [Cournos 1935]). Впервые о Ремизове Курнос упомянул в июле 1915 в своей статье для «Харперз уикли» (*Harper's Weekly*), где был напечатан перевод трех последних абзацев сказки Ремизова «Гость» (*The Guest*). Курнос приводит ремизовский текст в контексте дискуссии о варварстве и цивилизованности, которая развернулась в годы Первой мировой войны на страницах периодической печати. Американская исследовательница Мэрилин Швинн-Смит пишет: «Курнос утверждает, что более, чем у Достоевского или Толстого, в повести Ремизова представлена особенность русского образа мышления на основе понятия совести, в отличие от немецкого мышления, практичного и тщательного» [Schwinn-Smith: forthcoming].

В этом же году Курнос заканчивает работу над черновым вариантом перевода романа «Часы». Скорее всего, именно зимой 1917–1918 в Петрограде Курнос получил разрешение русского писателя на публикацию своего перевода и, возможно, получил копию рассказа «Белое сердце», перевод которого был издан вместе с романом «Часы» в 1924 г. (см. подробнее: [Schwinn-Smith: forthcoming]).

В феврале 1916 г. в журнале «Эгоист» (*The Egoist*) выходит рассказ Ремизова «Суженая» (*The Betrothed*) в переводе Курноса. Вместе с пе-

реводом представлено короткое эссе о стиле Ремизова. Курнос сравнивает Ремизова с Федором Михайловичем Достоевским (см. подробнее: [ibid.]). В то время в «Эгоисте», одном из так называемых малых модернистских журналов, публиковались Эзра Паунд, Джеймс Джойс, Томас Стернз Элиот и др. Оказаться в таком окружении было большой честью для любого писателя. Джон Курнос время от времени публиковал в этом журнале небольшие статьи и переводы на английский язык современных русских писателей. Так, в 1916 г. Курнос представил английской публике Ремизова и Сологуба. Возможно, именно с этой публикации началось заочное знакомство Ремизова и Джойса, с которым впоследствии его неоднократно сравнивали (см. подробнее: [Лихачев 1989; Хоружий 1984; Brown 1927]).

11 марта 1924 г. Мирский упоминает о Курносе в своем письме Ремизову: «Есть у меня проект еще большую статью написать про Вас, но еще не сговорился окончательно. Есть и другие проекты, о которых доложу Вам при свидании. Ваше имя мелькает в английской прессе изредка. Так, недавно некий (кажется, известный Вам) Иван Курнос напечатал в одном журнале (*Fortnightly Review*) статью об Андрееве, начав ее словами: “Конечно, Андреев не такого калибра писатель, как Ремизов и Сологуб”» [цит. по: Хьюз 2003: 350]. Речь идет о статье, опубликованной в первом номере «Фортнайтли ревью» (*The Fortnightly Review*) в феврале 1924 г.

Вскоре выходит в свет роман «Часы» в переводе Курноса. А 30 октября 1924 г. в литературном приложении к лондонской «Таймс» появляется анонимная рецензия. Ее автором был Р.Д.Чарк (R.D.Charques). Следом за ней в «Славоник ревью» (*Slavonic Review*) публикуется перевод рецензии Гершензона на ремизовские «Часы». Впервые рецензия появилась в 1908 г. в «Вестнике Европы», после первой публикации романа.

В то время над переводами произведений Ремизова работали несколько переводчиков. Одним из них был вышеупомянутый Алек Джон Чарльз Браун (1900–1962). На тот момент Браун был молодым, подающим надежды литератором и переводчиком. Он изучал русский и сербский в Кембриджском университете (St. John’s College), время от времени печатал свои стихи в престижном общественно-литературном журнале «Лондонский Меркурий» (*The London Mercury*) и пробовал себя в качестве переводчика с французского, югославского и русского (см.: [Рогачевский 2001: 352]).

В своем письме от 15 ноября 1924 г. Алек Браун сообщает Алексею Ремизову, что «одно из лучших издательств» “Чатто и Уиндас” (*Chatto*

& Windus) выразило желание опубликовать перевод Стратилатова. Также он сообщает о том, что хотел бы сначала отправить в издательство «Пятую язву», над переводом которой он все еще работает. К началу декабря того же года перевод уже окончен. «Пятая язва» и «Неумный бубен, Иван Семенович Стратилатов» вышли под одной обложкой только в 1927 г. в издательстве «Уишарт и Ко» (*Wishart & Co*) (см.: [там же: 353]).

Так постепенно, на протяжении относительно короткого отрезка времени, одно за одним выходили в свет произведения Ремизова на английском языке. Но публикации переводов строго ранжировались, так как Ремизов был по вкусу не каждому: его было сложно переводить, да и воспринимать неординарного русского писателя английской публике было трудно.

В одном из писем Браун дискутирует с Ремизовым относительно порядка публикации его произведений: «Не знаю Ваших желаний, что касается до рассказов в *Чертовом Логѣ*. Я все желаю помѣщать рассказы в журналах. Рассказы болѣе доступны английской публикѣ: вначале у нас всегда так, и мнѣ кажется, что надо устроить атак на читателей и с этой стороны» (15 января 1925) (здесь и далее орфография и пунктуация А.Брауна. – *Е.Т.*) [Remizov Papers]. Месяцем позже, 4 февраля 1925 г., Браун вновь возвращается к теме выбора произведений для перевода и в этот раз говорит о «Николиных притчах»: «Николины Притчи – сейчас перевести нельзя. И публикѣ, и мнѣ, необходимо время – публикѣ, чтоб привыкнуть к тому, что ей дадут еще русскаго писателя, мнѣ, чтоб я подсознательно работал над притчами – то, хорошо свидет» [ibid.].

Алек Браун старался не только переводить произведения Ремизова, но и ознакомить англичан с идеями русского писателя, недаром 15 января 1925 г. он пишет: «... я нѣкотораго рода обезьяньи мост между русскою мыслью и английскою. Мы двѣ противоположности, а сомкнемся» [Remizov Papers]. Алек Браун не зря называет себя «обезьяньим мостом»: он был не только переводчиком, но и управляющим английской «обезпропаганды», шуточного ремизовского общества «Обезвелволпал» (см.: [Обатнина 2001: 368]). Он стал кавалером обезьяньего знака 5 января 1925 г. [там же], а уже в письме от 20 января того же года просит Ремизова послать ему документы, связанные с Обезьяньей великой и вольной палатой: «Помоему хорошо было бы написать и напечатать по-английски (для англичан нарочно) исторію палаты обезволпал. Дайте мнѣ даннаы (даты, записки первых засѣданій и т. п.) я напишу и найду журнал, чтобы помѣстить» (орфография и пунктуация представлена без изменений. – *Е.Т.*) [Remizov Papers]. Впоследствии

краткую историю Обезволпала Браун поместит в своем предисловии к «Пятой язве».

Обезвелволпал являлся достаточно крупной «организацией», ветви и подразделения которой находились и во многих странах за пределами СССР и Франции. Так, согласно списку, приведенному в книге Е.Р.Обатниной, в ряды обезьяньей палаты в Великобритании входили Алек Браун и Д.Святополк-Мирский. Мирский являлся «послом английским», «полпредом Англии» и т.д. (см.: [Обатнина 2001: 358]). Именно он на год раньше Брауна упоминает об Обезьяньей Великой и Вольной палате в своей книге «История русской литературы с древнейших времен до 1925 года» (*Contemporary Russian Literature, 1881–1925*): «У многих видных русских писателей и издателей имеются грамоты, подтверждающие тот или иной их сан в этой палате, написанные великолепным рукописным шрифтом XVII века и подписанные *progrgia cauda* Асыка, царь обезьяний. Первыми кавалерами этого ордена стали ближайшие друзья Канцлера – философы Розанов и Шестов»² [Mirsky 1926: 282]. Можно сказать, что и Браун, и Мирский способствовали наведению «обезьяньих мостов» между Великобританией и канцеляристом Обезвелволпала.

Мирский познакомил Ремизова со многими интересными британцами, среди которых были известный антрополог Джейн Эллен Хэррисон (Jane Ellen Harrison, 1850–1928) и писательница Хоуп Мерлиз (Hope Mirklees, 1887–1978). Когда именно сам Мирский познакомился с Джейн Хэррисон доподлинно неизвестно, но исследователи их творчества и биографы сходятся в одном: встреча произошла в Париже зимой 1923–1924 гг. Впервые о Д.П.Мирском британский антрополог упоминает в записи на открытке своему другу Джилберту Мюррею (Gilbert Murray): «Это было волшебство в целом, но я отдала мое престарелое сердце Принцу-Медведю, – почему я не встретила его 50 лет назад, когда я могла бы надеяться стать его принцессой – пока же я уговорила его написать предисловие к моей следующей книге» [Smith 1995: 63].

Книга, о которой Хэррисон упоминает в своей заметке, – перевод «Жития протопопо Аввакума» на английский язык. Над текстом этой книги Хэррисон трудилась вместе со своей ученицей, писательницей Хоуп Мерлиз. В работе им помогали супруги Ремизовы. Русский писатель читал и толковал текст жития, а у его жены Серафимы Павловны британские «переводчицы» брали уроки русского языка (см. подробнее: [Казнина 1999; Parmar 2011; Smith 1995; Schwinn-Smith 2007]).

Перевод «Жития протопопо Аввакума» на английский язык вышел в 1924 г. На первой стра-

нице указано: «To Alexey Mikhailovich Remizov and Seraphima Pavlovna Remizova-Dovgiello in gratitude and affection». Впоследствии Ремизов вспоминал о работе над переводом: «В 1924 Аввакум заговорил по-английски. Перевод создавался в Париже мисс Харрисон Еленой Карловой и ее ученицей Хоп Миррилиз Надеждой Васильевной в сотрудничестве С.П.Ремизовой-Довгелло и Д.П.Святополка-Мирского. Мое участие было в звании “чтеца”: интонации и ритм вшепчутся и самое заковыристое и непривычное – не “литературное” – живую речь, которую всегда можно представить “книжно” и перевести на живую речь другого языка» [цит. по: Хьюз 2003: 361].

Вслед за житием воодушевленные Хэррисон и Мерлиз решили перевести русские сказки, басни и рассказы, посвященные медведям. В своем письме к Мирскому от 21 ноября 1924 г. Хэррисон сообщает о своем намерении: «Зная мои тотемистические наклонности, Вы не будете удивлены тому, что мы пишем маленькую книгу для детей или пожилых людей – под названием “Книга о медведе”. Она будет включать в себя истории из разных стран мира – если Вы укажете мне на какой-либо русский источник, я буду очень признательна. <...> Я, конечно же, хочу только истории о медведях, обладающие определенной красотой и значимостью» [цит. по: Smith 1995: 74]. А уже в декабре она пишет, что готов перевод нескольких сказок, Мерлиз трудится над текстами Ремизова и скоро должна появиться ее статья о нем на английском языке. Статья Хоуп Мерлиз действительно увидела свет, но на французском языке (см.: [Mirklees 1926: 148–159]).

В 1926 г. в Лондоне вышла «Книга о Медведе» (*The Book of the Bear*), созданная Хэррисон и Мерлиз. Рассказы Ремизова занимают особое место в сборнике. На это указывает тот факт, что из 6 страниц предисловия 4 посвящены ему. Составители называют его рассказы чистой литературой («pure literature»). Они отдельно отмечают: «Из современных русских писателей мы выбрали только одного – Алексея Михайловича Ремизова» [Harrison 1926: ix].

Хэррисон сравнивает его с Эзопом и отмечает, что Ремизов во многом превзошел древнегреческого баснописца, взявшись за «самую трудную вещь – писать басни без морали» [ibid.]. Они подчеркивают особую манеру письма Ремизова, язык его произведений: «...Ремизов унаследовал свой детально разработанный стиль и чрезвычайно оригинальную фантазию из простых ритмов русских сказок и глупых поступков их героев» [Harrison 1926: x]. Также отмечается особая включенность сновидений в произведения Ремизова: «Подлинная сказка подобна сну... сну наяву, невымышленному сну» [ibid.: xi].

Специальное место в предисловии к «Книге о Медведе» отводится описанию личности Ремизова, среды его обитания и источника вдохновения: «Когда Ремизов покинул большевистскую Россию, подобно второму Энею, он принес с собой свои лары и пенаты в свой новый дом. Это коллекция гротескных игрушек; деревянные птицы, плюшевые слоны, тряпичные куклы, разряженные как ведьмы, выглядывают из каждого угла его парижской квартиры. Когда кто-нибудь расспрашивает о них, он таинственно отвечает, что они нужны ему для работы. Мы предполагаем, что он часами играет с ними, заставляя их разыгрывать фантастические драмы» [ibid.: xii]. Такое же описание рабочего кабинета Ремизова мы находим в предисловии к «Пятой язве» Алека Брауна и книге Мирского «История русской литературы с древнейших времен до 1925 года».

Мирский пишет о Ремизове: «Его комнаты были настоящим зверинцем всевозможных игрушечных зверей и чертиков, которые являются героями многих его произведений. Постепенно, особенно же после “Стратилатова”, ставшего известным еще до того, как был напечатан, Ремизов сделался главой новой литературной школы и к началу войны печать была заполнена подражаниями “Стратилатову” и другим ремизовским рассказам. Пришвин, А.Н.Толстой и Замятин были первыми его последователями»² [Mirsky 1926: 283]. По мнению Мирского, произведения Ремизова впитали в себя всю русскую литературную традицию со времен язычества до Гоголя, Достоевского, Лескова, в силу этого он называет Алексея Ремизова «самым натуральным славянофилом из современных русских писателей» [ibid.: 284].

Вот так благодаря усилиям русских эмигрантов (Д.П.Мирскому, Л.Шестову), интересу представителей британской интеллигенции (Г.В.Вильямсу, Дж.Хэrrисон, Х.Мерлиз), энтузиазму и смелости переводчиков (Дж.Курнос, А.Браун, Х.Мерлиз и др.) одно за другим выходили произведения Ремизова в переводе на английский язык сначала в Великобритании, а потом и в Америке. Работа над переводами творений «самого русского среди русских писателей» ведется и по сей день, но его знакомство с англоязычной публикой началось именно с британских читателей.

Примечания

¹ Исследование выполнено в рамках аспирантского гранта программы Фулбрайт на базе Университета Северной Каролины (Wilson Library; Andre Savine Collection and Rare Book Collection; Davis Library) и Амхерст-колледжа (Amherst Center for Russian Culture, MA). Автор выражает благодарность директору центра русской культуры в

Амхерсте профессору Стэнли Рабиновичу, куратору «Коллекции Андрея Савина» Кириллу Толпыго, сотрудникам отдела редких книг библиотеки Университета Северной Каролины, а также американской исследовательнице Мэрилин Швинн-Смит и супругам Гаю и Кэйси Ланза за помощь в поиске и работе с материалами.

² Здесь и далее цитаты в переводе Р.Зерновой: Мирский Д.С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / пер. с англ. Р.Зерновой. URL: <http://feb-web.ru/feb/irl/irl/irl-7812.htm> (дата обращения: 20.05.2012).

Список литературы

Гунн Г.П. «Русский лад» Алексея Ремизова // Гунн Г. Очарованная Русь. М.: Искусство, 1990. 252 с.

Казнина О.А. Русская литературная эмиграция в Англии (1920–1930-е гг.): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 437 с.

Кодрянская Н.В. Алексей Ремизов. Париж: Natalie Codray, 1959. 328 с.

Лихачев Д.С. Вступительное слово к роману Дж.Джойса «Улисс» // Иностран. лит. 1989. №1. С.141–142.

Обатнина Е.Р. Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М.Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 384 с.

Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в творчестве А.Ремизова (К постановке проблемы) // Алексей Ремизов. Исследования и материалы / ред. А.М.Грачева. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1994. С.166–171.

Попов И. Дом в Толмачах. Москва Алексея Ремизова // Лит. учеба. 2007. №1. С.170–189.

Резникова Н.В. Огненная память: воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley: Berkeley Slavic Specialities, 1980. 147 с.

Ремизов А.М. Встречи. Петербургский буерак. Париж: Lev, 1981. 289 с.

Рогачевский А.Б. Неизвестные письма Д.П.Святополка-Мирского середины 1920-х годов // Диаспора: Новые материалы. СПб.: Феникс, 2001. Вып.2. С.349–367.

Хоружий С.С. «Улисс» в русском зеркале // Джойс Дж. Собр. соч.: в 3 т. Т.3. Улисс: роман (ч.III). М.: ЗнаК, 1994. С.363–605. URL: <http://james-joyce.ru/articles/ulyссе-v-russkom-zerkale.htm> (дата обращения: 08.03.2012).

Хьюз Р. «...с вами беда – не перевести.» Письма Д.П.Святополка-Мирского к А.М.Ремизову // Диаспора: Новые материалы. СПб.: Феникс, 2003. Вып.5. С.335–401.

Remizov Alexei. Sisters of the Cross. The Fifth Plague. Tales of the Russian People (Review) // The Times Literary Supplement. February 21, 1924. P. 108.

Brown A. Preface // *Remizov A.M.* The fifth pestilence, together with The history of the tinkling cymbal and sounding brass, Ivan Semyonovich Stratilatov. L.: Wishart and Co., 1927. P.vii–xxv.

Charques R.D. The Clock by A.M.Remizov // The Times Literary Supplement. October 30, 1924. P.683.

Cooper – Joshua Edward Synge Cooper URL: [http://en.wikipedia.org/wiki/Josh_Cooper_\(cryptographer\)](http://en.wikipedia.org/wiki/Josh_Cooper_(cryptographer)) (дата обращения: 04.05.2012).

Cournos J. Autobiography. N.Y.: Putnam, 1935. 344 p.

Cournos J. Feodor Sologub (Illustrated) // The Egoist. №1. Vol.3. Monday, January 1st, 1916. P.4–5.

Cournos J. Kultur and the Russian Conscience // Harper's weekly. 24 July 1915. P.82–83.

Cournos J. Leonid Andreev // The Fortnightly Review. Vol. 115. 1924. №1 (February). P.285–291.

Ginsburg M. Translating Remizov // Aleksej Remizov: Approaches to a Protean Writer / ed. by Greta N. Slobin. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1987. P.19–24.

Harrison J.E., Mirrlees H. Preface // The Book of the Bear Being Twenty-one Tales newly translated from the Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees. L.: The Nonesuch Press, 1926. P.vii–xii.

Mirrlees H. Quelques aspects de l'art d'Alexis Mikhailovich Remizov // Journal de psychologie normale et pathologique, 15 Jan. – 15 Mar. 1926. P.148–159.

Mirsky D.S. Contemporary Russian Literature 1881–1925. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1926. 372 p.

Parmar S. Introduction // *Mirrlees H.* Collected Poems / ed. by Sandeep Parmar. Manchester: FyfieldBooks, Carcanet Press, 2011. P.ix–xlvi.

Remizov Papers. Amherst Center for Russian Culture. Amherst College. Amherst, MA.

Remizov A. Chasy (A Review by O.M.Herschensohn) / tr. H.Epstein // The Slavonic Review. Vol.4. 1925. №10 (June). P.241–243.

Remizov A. The Clock / tr. John Cournos. L.: Chatto and Windus, 1924. 212 p.

Remizov A.M. The fifth pestilence, together with The history of the tinkling cymbal and sounding brass, Ivan Semyonovich Stratilatov / tr. Alec Brown. L.: Wishart and Co., 1927. 236 p.

Remizov A. The Betrothed / tr. John Cournos // *The Egoist*, III, no. 2 (1 February 1916). P.23

Remizov A. Gone out / tr. Joshua Cooper // Slavonic Review, №3 (1924/1925). P.31–37.

Schwinn-Smith M. Bears in Bloomsbury: Jane Ellen Harrison and Russia // Virginia Woolf: Three centenary celebrations / ed. by Maria Candida Zamith and Luisa Flora, Faculdade de Letras da Universidade do Porto, 2007. P.118–142.

Schwinn-Smith M. Aleksei Remizov's English-language Translators: New Material // "A People Passing Rude": British Responses to Russian Culture / ed. Anthony Cross. Cambridge: Open Book, 2012. (forthcoming).

Sinany H. Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov. P.: Institut D'etudes Slaves, 1978. 255 p.

Smith G.S. Jane Ellen Harrison: Forty-Seven Letters to D.S. Mirsky, 1924–1926 // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1995. Vol.XXVIII. P.62–97.

Sologub F. Little Tales / tr. by John Cournos // The Egoist №1. Vol.3. Monday, January 1st, 1916. P.8–9.

The Book of the Bear Being Twenty-one Tales newly translated from the Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees. L.: The Nonesuch Press, 1926. 108 p.

The Life of the Archpriest Avvakum by Himself / Translated from the Seventeenth Century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees, with a Preface by Prince D.S. Mirsky. L.: The Hogarth Press, 1924. 155 p.

Williams H.W. Russia of the Russians. London: Sir Isaac Pitman and Sons, Ltd. No. 1 Amen Corner, E.C., 1914. P.216–217.

Zohrab I. Remizov, Williams, Mirsky and English Readers... // New Zealand Slavonic journal. 1994. P.280–282.

A.M. REMIZOV: ON HIS WAY TO THE BRITISH READER

Ekaterina I. Turta

**Post-graduate Student of Russian Literature Department
Tyumen State University**

The paper deals with the history of creation and publication of the first translations of A.M.Remizov's novels in English. The author considers the collaboration and interpersonal relationships between the Russian writer and the prominent British people: H.Williams, J.Cournos, J.Harrison, H.Mirrlees, and etc. The research is based on reviews, literary critics, books, published in Russia and abroad, and also on archival data (A.M.Remizov's correspondence, articles and papers).

Key words: Russian-British literary relations; problem of translation; modernist small magazines; Russian Literature abroad; A.M.Remizov's works.